

18+

Маргарита Айс



СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ТЫ МЕНЯ

НЕ ПРОСЧИТАЛ

18+

Маргарита Айс

Ты меня не просчитал

<https://litres.ru/74226102>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мне следовало бояться Артёма Васильева.

Но я хочу его рук. Его взгляда. Хочу услышать, как он дышит, когда теряет контроль.

Я прилетела в Москву всего на несколько дней. В Париже меня ждёт Франсуа — мужчина, с которым всё правильно. В Дубае — контракт, способный открыть передо мной весь мир.

А в московском отеле меня ждёт Артём. Мужчина, которого там не должно было быть.

Он знает обо мне больше, чем должен. Организация, стоящая за ним, предлагает десятки миллионов и не привыкла слышать «нет». А вскоре в моей машине находят чужой пакет — и я оказываюсь в камере.

Телохранитель называет происходящее сделкой с дьяволом. Мне следует бежать.

Вместо этого я пытаюсь понять, кто такой Артём: исполнитель, посланный сломать меня, или мужчина, который однажды сможет выбрать не приказ, а меня.

И кого я обманываю сильнее — его, его хозяев или саму себя.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	30
Глава 5	38
Глава 6	48
Глава 7	58
Глава 8	75
Глава 9	84
Глава 10	91
Глава 11	99

Маргарита Айс

Ты меня не просчитал

Глава 1

В Москве меня снова звали Сидоровой.

— Дарья Сергеевна?

Мужчина у выхода из аэропорта держал перед собой телефон. На экране светилось моё имя — чёрные буквы на белом фоне, без фотографии и лишних пояснений.

Я остановилась в нескольких шагах от него.

На вид лет сорок. Короткая стрижка, синяя рубашка, дешёвый ремень с потёртой пряжкой. Лицо совпадало с фотографией в приложении. Номер серой машины за его спиной — тоже.

Всё было правильно.

Именно это мне не понравилось.

— Да, — ответила я.

Он потянулся к ручке моего чемодана.

— Не нужно.

— Как скажете.

Водитель не обиделся. Просто убрал руку и пошёл впереди, иногда оглядываясь, не отстала ли я.

Я не отставала.

Чемодан мягко катился по гладкому полу. Каблуки стучали слишком отчётливо. Я проверила сумку.

Российский паспорт лежал во внутреннем кармане. Французский — рядом. Телефон заряжен на восемьдесят семь процентов. Внешний аккумулятор — на сто. Билет в Дубай с открытой датой лежал в телефоне.

У машины водитель открыл заднюю дверь и отошёл. Я сверила номер ещё раз, хотя он не успел измениться, заглянула в салон и только потом положила чемодан в багажник.

— В отель на Тверской? — уточнил он.

— Да.

— По платной дороге быстрее будет.

— Езжайте как быстрее.

Я села назад и сразу проверила внутреннюю ручку двери. Работала.

Глупость.

Если бы водитель собирался меня похитить, исправная ручка вряд ли разрушила бы его планы. Но пальцы всё равно разжались только после тихого щелчка.

Машина тронулась.

Москва встретила меня стеклом. В окнах терминала, чёрных боках автомобилей и экране телефона я видела усталую женщину, которая зачем-то решила, что стала достаточно взрослой, чтобы ничего не бояться.

Телефон завибрировал.

Франсуа: *Tu es arrivée?*

Я провела пальцем по сообщению, не открывая его.

Перед вылетом он застегнул на мне этот плащ сам. Медленно продел пуговицу в петлю, расправил воротник и задержал ладони на моих плечах.

— Ты можешь лететь в Дубай через любой другой город,
— сказал он.

— Могу.

— Но выбрала Москву.

Я тогда поцеловала его вместо ответа, но Франсуа не позволил мне отступить.

— Ты понимаешь, что это опасно?

— Понимаю.

— Что мне делать, если ты исчезнешь?

Я достала телефон и переслала ему контакт. Без имени — только номер.

— Позвонишь этому человеку.

— Когда?

— Если я не отвечу дважды подряд.

— Даша...

— Дважды, Франсуа. Не раньше.

Он посмотрел на номер, потом на меня.

— Ты ведь не просто пересаживаешься в Москве?

Я снова поцеловала его вместо ответа.

Это сработало. С Франсуа часто работало то, что не работало больше ни с кем: молчание он принимал за границу, а не за приглашение её сломать.

Я написала: *Oui. Tout va bien.*

Всё хорошо.

Отправила и посмотрела в боковое зеркало.

За нами шёл белый кроссовер. Дальше — чёрный седан. Автобус вклинился между ними, закрыл обзор, потом ушёл вправо.

Нужной машины не было.

Водитель включил радио так тихо, что слова распадались на шорох. Он не пытался разговаривать и не смотрел на меня в зеркало дольше необходимого.

Нормальный водитель.

Нормальная машина.

Обычная поездка из аэропорта.

Я снова посмотрела назад.

Серый седан появился через две полосы. Ничем не примечательный, даже слишком чистый для московской дороги. За рулём угадывался мужской силуэт.

Гениальный Сыщик был на месте.

Оо-еее!

За три дня до вылета он заставил меня повторить правила.

Я не должна была искать его глазами, менять маршрут без сообщения и выходить из машины, если он напишет одно слово: **ждать**. Сам он обещал не выдавать присутствия, пока не возникнет реальная угроза.

— А как я пойму, что вы рядом? — спросила я тогда.

— Вам не нужно понимать.

Так он и стал Сыщиком. Только про себя: я не была уверена, что чувство юмора входило в стоимость услуг.

Седан исчез за фургоном.

На этот раз я не стала его искать.

Москва собиралась вокруг меня из знакомых названий и незнакомых зданий.

Водитель неожиданно свернул во двор, и двери автоматически заблокировались. Я дёрнула ручку так резко, что он испуганно открыл замок и объяснил: впереди авария, навигатор ведёт в объезд.

Серый седан появился в конце двора почти сразу. При тормозил, пропуская женщину с собакой, и спокойно поехал за нами.

Сыщик не потерялся.

Я достала маленькое зеркало, поправила помаду и рассмотрела задний вид. Тёмные очки, светлая рубашка, обе руки на руле. Он не посмотрел в мою сторону.

— Давно в Москве не были? — спросил водитель такси.

— Достаточно давно.

Машина остановилась на светофоре.

Слева показался поворот, который я узнала сразу.

Тело узнало раньше.

Пальцы сжали телефон. Я отвернулась к другому окну, хотя там не было ничего, кроме автобуса и мужчины, ковырявшегося в носу за рулём.

Туда я не собиралась.

Не сегодня.

Я не внесла тот адрес в календарь. Не открывала старую переписку. Выбрала отель на другом конце центра.

Светофор переключился.

Поворот остался позади.

Я разжала пальцы.

Телефон снова завибрировал.

На этот раз пришло сообщение от номера без имени.

Маршрут чист.

Сыщик отчитался только после того, как я успела трижды проверить его работу.

Вижу, — написала я.

Ответ пришёл сразу.

Не должны.

Напряжение отступило ровно настолько, чтобы я почувствовала усталость. Хотелось в душ, потом в кровать. И не думать, почему я всё-таки выбрала этот маршрут.

У отеля водитель вышел первым. Швейцар забрал чемодан и пожелал добрый вечер. Стеклопакеты дверей разъехались бесшумно, выпуская прохладный воздух с запахом цветов и дорогого дерева.

Я оглянулась. В отражении фасада серый седан остановился через дорогу. Фары погасли. Мужчина за рулём остался на месте.

Всё шло по плану.

Я шагнула в отель. Стеклопакеты дверей закрылись за моей

спиной, отрезая меня от машины, улицы и человека, которого я наняла, чтобы видеть опасность раньше меня.

Какая же я всё-таки дура.

Настоящую опасность я не увижу.

Надо было понять это с самого начала.

— Дарья Сидорова?

Я обернулась. Мужчина у стойки поднялся мне навстречу. Спокойная улыбка, открытый взгляд — ни торопливости, ни желания произвести впечатление. Пальцы сами ослабили ручку чемодана.

— Я вас ждал.

Глава 2

Кто он такой? И почему говорит, что меня ждал?

— *Vraiment?* — спросила я по-французски.

Правда?

Хотелось хотя бы на секунду сбить его с толку.

Он даже не моргнул.

— *Oui, vraiment.* Да, правда. Дарья Сергеевна Сидорова, — отчётливо произнёс он. — Я ничего не перепутал. Артём Васильев. Но можем продолжить по-русски. Вы ведь из Москвы?

— Когда-то была.

Он был именно моим типом. Высокий, спокойный, с той особенной мужской силой, которая чувствуется не в ширине плеч, а в уверенности, что пространство само освободит дорогу.

Страннее было другое: я ему доверяла.

Водителя такси я проверила трижды. Рядом с Артёмом мне не хотелось ни искать глазами Гениального Сыщика, ни считать шаги до выхода.

Это было нелогично.

И очень мне нравилось.

— Откуда вы знаете, кто я?

— Это часть разговора, ради которого я вас ждал.

— Удобный ответ.

— Зато честный.

Он говорил без нажима. Не приближался, не пытался забрать у меня чемодан, не перекрывал дорогу. Просто стоял напротив и смотрел так, будто времени у него было больше, чем у всех остальных людей в холле.

— У нас с партнёрами есть к вам деловое предложение,
— сказал он.

— Какое?

— Оно касается вашего контракта в Дубае.

Я внимательнее посмотрела ему в лицо.

— У меня нет контракта в Дубае.

— Пока нет.

— Кто ваши партнёры?

— Предлагаю встретиться за ужином и спокойно обсудить дела.

— Я только что приехала.

— Поэтому не предлагаю вам ехать через весь город. В ресторане отеля, в восемь. Если вас устраивает.

Отказаться было бы разумно. Узнать, откуда он получил сведения о переговорах, — ещё разумнее. Вместо этого я позволила себе рассмотреть его уже не скрывая интереса.

— Я не могу отказать такому мужчине.

— Спасибо, — невозмутимо ответил Артём.

Кажется, комплимент он принял на свой счёт.

И совершенно правильно.

* * *

К ужину я спустилась первой.

Не потому, что торопилась увидеть Артёма. Мне просто хотелось выбрать столик самой.

Я остановилась на том, откуда хорошо просматривались вход, лифты и отражение большей части зала в тёмных окнах. Сыщик устроился у стены достаточно далеко, чтобы не мешать, и достаточно близко, чтобы продолжать изображать случайного постояльца.

На нём был другой пиджак. Высший уровень маскировки. Хорошо, что без газеты с дыркой. Оо-еее!

Артём появился ровно в восемь. Не минутой раньше и не минутой позже. Подошёл к столу, дождался моего разрешающего жеста и только после этого отодвинул кресло.

Я выбрала тёмно-синее платье и убрала волосы наверх. Он заметил и то и другое, но комплимента не сделал.

Мне понравилось и это.

Официант ещё не успел принести меню, когда Артём посмотрел через моё плечо.

— Может, пригласим за стол вашего сопровождающего? А то как-то неудобно.

Я не обернулась.

Значит, он заметил Сыщика ещё в холле. Или знал о нём до моего приезда.

Уровень подготовки следовало оценить.

— Нет, — ответила я. — Он стесняется.

Уголок рта Артёма дрогнул.

— Тогда я пошлю ему шампанского, если не возражаете.

— Не возражаю. Но он не пьёт на работе.

— Я тоже.

Он сделал знак официанту и заказал бутылку, даже не взглянув в карту. Себе попросил минеральную воду. Мне ничего выбирать не стал.

Ещё один правильный ответ.

Через несколько минут ведёрко с шампанским поставили на свободный стул рядом с Сыщиком. Тот посмотрел сначала на бутылку, потом на Артёма.

Артём слегка поднял стакан с водой.

Сыщик не ответил.

Кажется, они друг другу не понравились.

Я открыла меню.

— Теперь ваши партнёры.

— Буду откровенен, — сказал Артём. — Ваш будущий контракт с правящей семьёй эмирата даст вам доступ не только к одному заказчику. Перед вами откроется весь Ближний Восток.

— Вы уверены в моём будущем больше, чем я.

— Я хорошо знаю людей, принимающих решение.

Он произнёс это без хвастовства. Как факт, который не нуждался в доказательствах.

— Организация, которую я представляю, намерена продвигать в регионе технологии для атомной энергетики, — продолжил он. — Ваша работа и наши возможности могут

оказаться полезны обоим сторонам.

Он, конечно, был моим типом.

Но на кой чёрт мне его атомные технологии?

— Я проектирую имидж, господин Васильев. Реакторы в него пока не заказывали.

— Нас интересуют не ваши знания в энергетике.

— Какая жалость. Я уже собиралась удивить вас.

— Вы и так справляетесь.

Он сказал это спокойно, но взгляд задержался на мне дольше, чем требовала вежливость.

Первый настоящий комплимент.

Я положила меню на стол.

— Тогда зачем вам я?

— Нам нужны двери, которые перед вами откроются.

Теперь всё звучало понятнее. И намного хуже.

Люди, приглашавшие меня создавать для них дома, отели и пространства, показывали то, чего не показывали посторонним. Я знала, где они ужинали, кого принимали без протокола, что прятали от журналистов и какие имена не произносили при прислуге.

До сегодняшнего вечера я считала это доверием клиентов.

Артём предлагал превратить его в товар.

— Конечно, — сказала я. — Это интересно. Подготовьте предложение.

— Вы не поняли.

— Тогда объясните.

Официант поставил перед нами воду. Артём подождал, пока тот отойдёт, и только потом продолжил:

— Организация, которую я представляю, ждёт от вас ответа сейчас.

— Да или нет?

— Именно.

Я усмехнулась.

— Не видя предложения?

— Если вы скажете «да», вам покажут детали.

— А если после этого я откажусь?

Артём улыбнулся.

Так же обаятельно, как в холле. Так же спокойно, как после моего комплимента.

— Тогда до Дубая вы можете не долететь.

Я покрутила стакан, наблюдая, как лёд касается стекла.

— О каких суммах идёт речь?

— О десятках миллионов.

— В год?

— В месяц.

Вот теперь предложение действительно стало интересным.

— Хорошо, — сказала я. — Я дам вам ответ завтра.

Артём поднял бокал с водой.

— За ваше решение.

Наши взгляды встретились над столом.

Я поплыла.

Глупо, быстро и совсем не вовремя. Взгляд скользнул по его плечам, по пальцам на тонком стекле, снова поднялся к лицу. Мне захотелось узнать, сохранит ли он эту невозмутимость, если я подойду ближе.

Нужно было немедленно вернуть себе управление хотя бы собственным голосом.

— Завтра в двадцать ноль-ноль я буду в тренажёрном зале гостиницы, — сказала я. — Найдите меня там.

— Найду.

Он допил воду, поблагодарил за ужин, которого мы так и не заказали, и ушёл.

Я позволила себе посмотреть ему вслед.

Потом перевела взгляд на стол у стены.

Гениального Сыщика не было.

Бутылки шампанского тоже.

Оо-еее!

* * *

В номере я из последних сил собрала мысли, отбросила воспоминание о плечах Артёма и открыла секретный чат в Телеграме.

Я: За что я вам плачу?

Ответа не было почти минуту.

Я: Значит так. Завтра утром я должна знать, кто такой Артём Васильев, что у него за организация и что ещё мне необходимо о нём знать.

Я перечитала сообщение и добавила:

Я: И вот ещё что. Если кто-нибудь ещё вас заметит — вы уволены.

На этот раз пауза была ещё дольше.

Гениальный Сыщик: Это учетверит ваши расходы на защиту, мадам.

Я: Нет. Только утроит.

Сыщик: Принято.

Я уже собиралась закрыть чат, но не удержалась.

Я: Как шампанское?

Ответ пришёл сразу.

Сыщик: Кислятина.

Глава 3

Утром я первым делом вытряхнула из головы плечи Артёма Васильева.

Потом его руки.

Потом голос.

С голосом пришлось повозиться.

Я встала под холодный душ, сварила кофе в гостиничной машине и открыла сообщение, пришедшее от Сыщика в семь ноль три.

Гениальный Сыщик: Артём Васильев представляет АО «Национальные ресурсные инициативы».

Я перечитала название.

Ни национальности, ни ресурсов, ни заметных инициатив в открытых источниках не обнаруживалось.

ГосРосПриродоведение.

Так было честнее.

Я: И?

Ответ появился сразу. Значит, он ждал, когда я проснусь.

Сыщик: Формально — частная инвестиционная структура. Тридцать семь дочерних компаний. Энергетика, логистика, промышленное строительство, консалтинг. Часть владельцев скрыта за фондами. Часть активов невозможно оценить.

Я: Насколько невозможно?

Сыщик: Настолько, что официальные цифры не имеют смысла.

Я отпила кофе.

Горький. Прекрасно.

Гениальный Сыщик: В наблюдательном совете бывшие государственные чиновники. Среди постоянных партнёров — компании с государственным участием. Несколько контрактов закрыты. За последние пять лет организация трижды меняла структуру собственности, но не руководство.

Я: А Васильев?

Пауза.

Сыщик: Его должность меняется в зависимости от документа. Советник. Директор специальных проектов. Представитель наблюдательного совета. Иногда его имени нет вообще.

Я: Деньги?

Сыщик: Есть.

Я: Государство?

Сыщик: Рядом.

Я: Влияние?

Гениальный Сыщик: Достаточное, чтобы люди предпочитали не задавать вопросов.

Вот и весь Артём Васильев.

Красивое лицо поверх тёмной непрозрачной машины. Его выбрали не только за французский. Спокойный, высокий, без единого лишнего движения — мужчина, которому я са-

ма назначила встречу в тренажёрном зале.

Откуда эти гады узнали мой тип?

Я отложила телефон и подошла к окну.

Москва внизу занималась своими делами. Машины ползли по мокрой улице. Люди торопились, не поднимая голов. Где-то среди них существовала организация, способная превратить моё будущее в десятки миллионов в месяц или сделать так, чтобы я не долетела до Дубая.

Можно было отказаться.

Оставить билет с открытой датой. Закрывать дверь номера. Позвонить Франсуа и позволить ему сказать, что он был прав.

Возможно, я даже осталась бы в безопасности.

А потом годами думала бы, кем могла стать, если бы не испугалась.

Риск уже существовал. Артём знал моё полное имя, маршрут, гостиницу и детали переговоров. Слово «нет» не заставило бы его всё это забыть.

Значит, нужно было войти в игру, узнать правила и постараться не проиграть.

Плечи Артёма к деловой части решения, конечно, не относились.

Почти.

Я допила кофе и написала:

Я: Продолжайте искать. В восемь вечера у меня встреча с ним.

Сыщик: Знаю.

Я уставилась на экран.

Вот теперь во мне что-то взбрыкнуло.

* * *

Из гостиницы я вышла через главный вход и первые десять минут шла без цели.

Не оглядывалась. Смотрела в витрины, стеклянные двери и тёмные экраны припаркованных машин.

Никого.

Ни серого седана. Ни светлой рубашки. Ни человека, слишком долго рассматривающего телефон.

Я спустилась в метро, купила билет и села в вагон. За секунду до закрытия дверей выскочила обратно на платформу.

Двери сомкнулись.

Поезд увёз десятки раздражённых людей и ни одного Сыщика.

Следующий состав я пропустила. Потом ещё один.

Никто не появился.

Я доехала до станции возле пункта проката, выбранного уже в дороге. Машину оформила через телефон, получила ключи и выехала в город.

Через двадцать минут навигатор велел повернуть направо.

Я перестроилась в левый ряд и развернулась на ближайшем перекрёстке.

За мной никто не развернулся.

Ещё через два квартала я остановилась у небольшого ресторана. Обед уже закончился, до ужина оставалось несколько часов. В зале скучал один официант, посетителей не было. — Туалет? — спросила я.

Он молча указал в сторону коридора.

В женской комнате было пусто. Я проверила соседние кабинки, зашла в последнюю, закрыла дверь и села на опущенную крышку унитаза.

Телефон лежал на ладони.

Если Гениальный Сыщик меня потерял, он об этом не признается. Если не потерял — должен доказать.

Я открыла Телеграм.

Я: Что я сейчас делаю?

Ответ пришёл через несколько секунд.

Гениальный Сыщик: При всём уважении, вы пишете, мадам.

Я улыбнулась.

Я: Нет.

На этот раз он думал дольше.

Сыщик: Тогда вы снова меня проверяете.

Я: И как?

Сыщик: Вы пока одним куском, мадам. Значит, удовлетворительно.

Оо-еее!

Я: А теперь без шуток. Что вы думаете об их предложении?

Гениальный Сыщик: Мадам, это сделка с дьяволом. Пока вы им нужны, вас будут носить на руках. Когда перестанете — церемониться не станут.

Я: Насколько не станут?

Сыщик: Вы можете выйти из окна собственного небоскрёба в Париже. Якобы вам самой так захотелось.

Написано было почти бодро. А у меня внутри всё оборвалось.

Я убрала телефон.

Проверять, почему люди не летают как птицы, мне пока не хотелось. Особенно из окна собственного небоскрёба.

Ну его к чёрту, это ГосРосПриродоведение.

С корпорацией я почти определилась.

С Артёмом — совершенно нет.

* * *

Без трёх минут восемь я вошла в тренажёрный зал гостиницы.

Артём уже был там.

Он подтягивался на перекладине — спокойно, без рывков, будто собственное тело весило ровно столько, сколько он ему разрешал. Чёрная футболка натянулась на плечах. Пиджак скрывал слишком многое.

Я остановилась у входа на пару секунд дольше необходимого.

Отлично.

Теперь я знала, зачем назначила встречу именно здесь.

Артём опустил на пол и посмотрел на меня. Дыхание почти не сбилось.

— Вы пришли.

— Вы сомневались?

— Нет. Но мне приятно получить подтверждение.

На мне были чёрные легинсы и короткий спортивный топ. Я выбирала их исключительно ради удобства.

Почти.

Я включила дорожку. Артём занял соседнюю, не спрашивая, и начал с той же скорости.

— Вы изучили мою организацию? — спросил он.

— Я пыталась. Оказалось, что нет ни кошки, ни комнаты.

— Значит, нашли не всё.

— Значит, вы хорошо прячетесь.

Я увеличила скорость.

Он сделал то же самое.

— Мы хотим стать партнёрами в вашей компании, — сказал Артём. — Деньги, связи и выход на регион без посредников.

— В обмен на четверть компании и право решать, с кем мне работать?

— Вы быстро понимаете.

— Зато медленно соглашаюсь.

Я добавила ещё один уровень скорости.

Артём не отставал.

Через несколько минут я выключила дорожку и подошла

к стойке со свободными весами. Он пошёл следом.

— Вы уже решили отказать, — сказал он.

Не спросил.

— Я ещё ничего вам не ответила.

— Именно поэтому.

Я взяла гриф и положила его на плечи.

— Подстрахуете?

В его взгляде что-то изменилось.

Наконец-то.

Артём встал позади. Достаточно близко, чтобы я почувствовала исходящее от него тепло. Пахло чистой кожей, тёмным деревом и чем-то горьким, едва заметным.

— Можно? — спросил он.

— Можно.

Его ладонь легла мне на бок. Большая, тёплая, уверенная. Даже через тонкую ткань топа я чувствовала силу пальцев и мощь тела в нескольких сантиметрах от моего.

Он не прижимал меня к себе. Не пользовался расстоянием, которое я сама ему позволила. Просто держал — ровно настолько, насколько было нужно для страховки.

Это почему-то действовало сильнее наглости.

Я видела нас в зеркале напротив: его плечи за моей спиной, моё тело между его рук. Со стороны мы выглядели так, будто делали это не впервые. Будто он уже знал, куда положить ладонь, а я — как буду дышать, когда он окажется рядом.

Дурацкая картинка.

И слишком убедительная.

Я опустила в присед.

— Спину ровнее, — сказал он рядом с моим ухом.

Голос прошёл по коже лучше любого прикосновения.

Я поднялась медленнее, чем требовалось. Его ладонь двинулась вместе со мной, не отрываясь от тела. Внизу живота стало горячо, и это меня разозлило. Я пригласила его сюда, чтобы проверить. Не чтобы представлять, что будет, если он перестанет спрашивать разрешения на каждое прикосновение.

В зеркале Артём смотрел мне в глаза. Спокойно. Слишком спокойно для мужчины, который не мог не чувствовать, как изменилось моё дыхание.

Значит, или не заметил, или умел не показывать.

Оба варианта требовали проверки.

Я чуть повела плечом. Утяжелённый гриф якобы соскользнул и полетел вниз — прямо в его сторону.

Артём подхватил его раньше, чем я успела моргнуть. Без рывка и ругательства — словно несколько десятков килограммов ничего не весили. Вернул на крепления и посмотрел на меня слишком внимательно.

Теперь он стоял передо мной. Одна рука всё ещё удерживала гриф, вторая оказалась у моей талии — уже не для упражнения, а потому что иначе я могла потерять равновесие.

Могла. Конечно.

Я подняла голову. Отступить следовало сразу. Вместо этого я задержалась, чувствуя его дыхание у виска и считая удары собственного сердца.

Раз. Два. Три.

Он первым убрал руку.

Вот это оказалось почти оскорбительно.

Понял.

— Осторожнее.

— СВР? — спросила я.

— Ну что вы. МГИМО. Поварской факультет, — невозможно ответил он.

Я рассмеялась и повернулась к нему. Между нами осталось меньше шага.

— Мне нужен проект соглашения, структура владения и список конечных бенефициаров, — сказала я. — После этого я готова рассмотреть ваше предложение.

— Это «да»?

— Это «пришлите документы».

— Но не «нет».

— Не обольщайтесь.

Артём улыбнулся.

— Это не согласие, — напомнила я.

— Я знаю.

— Тогда почему вы улыбаетесь?

Его взгляд медленно опустился к моим губам и вернулся

к глазам.

— Потому что вы назначите мне ещё одну встречу.

Глава 4

— Потому что вы назначите мне ещё одну встречу.

Я ничего не ответила.

Вышла из тренажёрного зала, чувствуя его за спиной. Артём шёл следом спокойно, не пытаясь меня догнать.

Конечно.

Он уже решил, что победил.

Лифт открылся сразу.

Мы вошли. Я нажала кнопку своего этажа. Артём встал рядом — непозволительно близко для незнакомого мужчины и недостаточно близко для того, чего мне хотелось.

Двери закрылись.

В зеркальной стене я видела его плечо возле своего. Тёмная футболка облегла грудь. Под тканью едва заметно двигались мышцы. От него исходило тепло, и пахло чем-то горьким, чистой кожей и мужчиной после тренировки.

Я снова почувствовала бабочек.

Ненавижу бабочек.

Они появлялись там, где взрослой женщине полагалось иметь здравый смысл.

Я закрыла глаза и повернулась к Артёму спиной. Якобы чтобы не смотреть. Якобы потому, что в лифте было тесно.

Можно было сделать шаг вперёд.

Я сделала полшага назад.

Между нами остались миллиметры.

Он не отодвинулся.

Я чувствовала его всем телом — спиной, поясницей, бёдрами. Не прикосновение, а исходящее от него тепло. Едва заметную вибрацию от каждого вдоха. Стоило кому-нибудь из нас качнуться — и расстояние исчезло бы.

Артём замер.

Я тоже.

Лифт поднимался бесшумно. Только цифры этажей сменяли друг друга над дверями.

Он вдохнул глубже.

Воздух шевельнул мои волосы, и по шее побежали мурашки.

Артём чувствовал их запах.

Эта мысль ударила ниже живота.

Сейчас он положит руку мне на талию.

Я ждала.

Его ладонь могла медленно пройти по моей спине. Между лопаток. Ниже. Ещё ниже — туда, где заканчивалась тонкая ткань топа и начиналось всё, о чём мне не следовало думать рядом с человеком, только вчера пригрозившим, что я могу не долететь до Дубая.

Но он не двигался.

От этого становилось только хуже.

Он стоял за моей спиной, вдыхал запах моих волос и ничего себе не позволял. Даже когда я сама почти прижалась

к нему.

Почти.

Мне хотелось качнуться назад. Совсем немного. Проверить, действительно ли он так спокоен, как изображает.

Лифт начал замедляться.

Поздно.

А может быть, вовремя.

— Документы будут у вас утром, — произнёс Артём.

Его голос прозвучал возле самого моего уха. Ровный, деловой.

Я открыла глаза, но не отдалилась.

— А если мой ответ будет «нет»?

За спиной стало тихо.

Совсем ненадолго — меньше одного удара сердца. Другой человек не заметил бы этой паузы.

Я заметила.

— Тогда это будет ваш ответ. Я должен буду доложить.

Слова были казёнными.

Интонация — нет.

В ней промелькнуло что-то неожиданно человеческое. Будто Артём хотел сказать больше, но не имел права. Или предупреждал о чём-то, чего я пока не понимала.

Двери открылись.

Я шагнула из лифта.

Не обернулась. Пока двери не закрылись, я чувствовала его всей спиной. Его тепло, которого рядом уже не было. И

взгляд — на моём затылке, спускающийся ниже.

Раздался мягкий звон.

Лифт уехал.

Блядь.

Опять не буду спать всю ночь.

* * *

В номере я первым делом отправилась в душ.

Холодная вода не помогла.

Горячая оказалась ошибкой.

Стоило закрыть глаза, как я снова чувствовала Артёма за спиной. Не его руки — это было бы слишком просто. Те самые миллиметры, которые он не преодолел. Тепло его груди. Дыхание в моих волосах. Его ладонь так и осталась вдоль тела, хотя всё моё тело предлагало ему положить её куда угодно.

Я выключила воду.

— Великолепно, Даша.

В зеркале на меня смотрела взрослая взъерошенная женщина, всё ещё способная вести переговоры с королевской семьёй и выбирать между контрактами на нескольких языках.

У этой способной женщины горели щёки.

Я надела гостиничный халат и проверила телефон.

От Франсуа пришло сообщение.

Франсуа: Ты уже в номере?

Я посмотрела на время. Он написал десять минут назад, словно почувствовал момент, когда мне особенно не хоте-

лось вспоминать, что в Париже меня ждёт мужчина.

Хороший мужчина.

Правильный.

Тот, рядом с которым я никогда не стояла в лифте, боясь пошевелиться.

Я: Да. Всё хорошо.

Три точки появились.

Франсуа: Тогда спи. И пожалуйста, будь осторожна.

Я напечатала «обещаю», посмотрела на слово и стёрла.

Я: Спокойной ночи.

Телефон пришлось положить экраном вниз.

Разговор с Франсуа должен был вернуть меня в нормальное состояние.

Вместо этого я подумала, что Артём наверняка уже переоделся. И представила, как он стягивает через голову чёрную футболку.

Оо-eee!

Я открыла мини-бар, достала воду и выпила половину бутылки.

Нужно было думать о деле.

С этим у меня всегда получалось лучше, чем с мужчинами.

Почти всегда.

ГосРосПриродоведение нуждалось не во мне. Ему нужна была дверь, которую я могла открыть.

Сейчас за этой дверью находились контракт с королевской

семьёй, новые клиенты и весь Ближний Восток. Пока она закрыта, я представляла ценность. Возможно, даже могла ставить условия.

Но стоило мне познакомить их с нужными людьми, поставить рядом со своим именем и провести туда, куда без меня их не приглашали, — всё менялось.

Дверь останется открытой.

А ключ больше не понадобится.

У меня не было в их мире собственных связей, людей или рычагов. Только будущее имя, которое ещё предстояло превратить в силу. Для них я была удобным входом. После — могла стать лишним свидетелем или просто женщиной, которой однажды захочется уйти.

Сыщик уже объяснил, как в таких организациях дают уйти лишним людям.

С балкона небоскрёба.

Но даже это было не главным.

Партнёрство с непрозрачной российской структурой прилипло бы ко мне навсегда. Достаточно одного вопроса от банка, одного журналиста, одной проверки клиента. Люди, которые сегодня приглашают меня во дворцы, завтра перестанут отвечать на звонки.

А если понадобился бы компромат, его нашли бы.

Или создали.

После этого я уже не смогла бы доказать, где заканчивается моя компания и начинается их ГосРосПриродоведение.

Я поставила бутылку на стол.

Нет.

От такого предложения следовало отказаться.

Не сразу. Не сообщением среди ночи. Сначала получить документы, понять, что именно они хотят, и спокойно сказать Артёму в лицо.

И в конце концов, я не хотела обманывать своих будущих арабских клиентов по мелочам.

Даже если эти мелочи стоили десятки миллионов в месяц.

Решение было принято.

Ну их к лешему.

Мне стало легче.

На один вдох.

Я вспомнила, как Артём произнёс: «Я должен буду доложить».

Не «передам ваш ответ».

Не «обсудим условия».

Доложить.

Одно слово, которое ставило над ним кого-то ещё.

Значит, Артём Васильев тоже был не хозяином этой игры.

Просто очень красивой её частью.

Телефон завибрировал на столе.

Я схватила его слишком быстро.

Сообщение оказалось от Сыщика.

Сыщик: Мадам, вы вернулись в номер.

Я: Наблюдательный.

Сыщик: Это входит в ваши расходы.

Я: Я решила отказаться.

Ответа не было с минуту.

Сыщик: От предложения или от господина Васильева?

Я посмотрела на экран.

Умный всё-таки гад.

Я: Спокойной ночи.

Сыщик: Это не ответ.

Я: Именно поэтому.

Телефон я выключила.

Легла в постель. Закрыла глаза.

Артём немедленно встал за моей спиной.

Разумеется, только в воображении.

Там он наконец положил ладонь мне на талию.

Провёл ею вверх — медленно, как я и хотела. И вниз.

Между лопаток. По позвоночнику. До самого края дозволенного.

Я перевернулась на другой бок.

Не помогло.

Его рука последовала за мной.

* * *

Утром будильник зазвонил в восемь.

Я открыла глаза и уставилась в потолок.

Так и есть — не спала.

Как хорошо, что мама никогда не узнает, о чём я думала.

Глава 5

В девять утра Артём прислал документы.

Без приветствия. Без вопроса, как я спала. Только короткое:

Артём: Как договаривались.

Я открыла первый файл, увидела семьдесят восемь страниц мелкого текста и закрыла.

Как договаривались, господин Васильев.

Вот только договариваться нам было уже не о чем.

Сообщать ему об этом немедленно я не собиралась. Решение созрело ночью, но утром его следовало проверить при свете дня, желательно после кофе и без воспоминаний о мужском дыхании в волосах.

Кофе не помог.

Волосы всё помнили.

Я позвонила в прокатную компанию, номер которой нашла на гостиничном сайте, и заказала машину. Хотелось выбраться из номера, проехать по городу и несколько часов ни с кем не разговаривать.

Особенно с мужчинами, которые знали, где я остановилась, сколько буду зарабатывать и чего хочу раньше, чем я успевала признаться в этом самой себе.

Машину подали через сорок минут.

Серый седан. Чистый салон. Полный бак. Документы в

бардачке.

Я сфотографировала царапину на заднем бампере, отправила снимок прокатчику и села за руль.

Сыщика я не увидела.

Это успокаивало ровно до тех пор, пока я не вспоминала, насколько хорошо он умел быть невидимым.

Через пятнадцать минут в зеркале заднего вида вспыхнули синие огни.

Я перестроилась вправо и остановилась.

Один полицейский подошёл к водительской двери. Второй остался у машины, положив руку на ремень.

Я опустила стекло.

— Документы.

Ни «здравствуйте», ни объяснения причины остановки.

Москва скучала по мне.

Я протянула паспорт, права и договор аренды. Полицейский посмотрел сначала на фотографию, потом на меня.

— Дарья Сергеевна Сидорова?

— Вы это только что прочитали.

Он не оценил.

— Выйдите из машины.

— Зачем?

— Обычная проверка.

Конечно.

Обычные проверки всегда начинаются двумя машинами и человеком, уже знающим твоё полное имя.

Я вышла.

Второй полицейский открыл заднюю дверь, заглянул под сиденье и тут же выпрямился. В руке у него появился прозрачный пакет с белым порошком.

Слишком быстро.

Даже для очень старательного сотрудника.

— Это ваше?

— Нет.

— Машина ваша?

— Прокатная.

— Но управляли вы.

— А дышу я московским воздухом. Это не делает Москву моей.

Первый полицейский взял меня за локоть.

— Руки за спину.

Вот тут мне стало по-настоящему холодно.

Не страшно. Пока ещё нет.

Просто холодно.

Так я сказала себе, когда металл защёлкнулся на запястьях.

* * *

В отделе меня продержали около двух часов в коридоре.

Не задавали вопросов. Не разрешали позвонить. Посадили на жёсткую скамью у стены и время от времени проходили мимо, словно проверяли, достаточно ли я созрела.

Я созрела.

Для убийства.

Наконец меня завели в небольшой кабинет. За столом сидел мужчина лет сорока пяти в расстёгнутом форменном кителе. Круглое лицо, усталые глаза, кружка с выцветшей надписью «Лучший папа».

— Это какая-то ошибка! — вскрикнула я прямо с порога.
— Я никогда не видела этот пакет. И я требую французского консула.

Мужчина даже не потянулся к моим документам.

— Не положено.

— У меня французское гражданство.

— В Российскую Федерацию вы въехали по российскому паспорту. Для нас вы гражданка России.

Значит, подготовились.

Он указал на стул.

— Присаживайтесь, Дарья Сергеевна.

Я села.

— Понимаю, ситуация неприятная, — начал он с напускным сочувствием. — Но, возможно, это простое недоразумение. Сейчас разберёмся — и будете свободны.

Да, конечно, подумала я.

Ещё букет цветов подарите на прощание.

Но вслух сказала:

— Я понимаю. Разумеется, я всё расскажу, господин полковник. Только помогите мне, пожалуйста.

— Лейтенант, — поправил он.

— Да, конечно. Господин лейтенант.

— Вот и хорошо. Я хочу вам помочь. Но для этого вы должны помочь мне.

— Разумеется. Всё, что угодно.

— Расскажите, куда собирались ехать, с кем встречаться, кто мог иметь доступ к машине. И разблокируйте телефон.

Он положил мой телефон на стол и подвинул ко мне.

Вот ради чего меня два часа мариновали в коридоре.

Не ради порошка.

Порошок был ключом. А открыть хотели совсем другую дверь.

— Конечно. Сейчас я всё покажу, — торопливо сказала я.

Взяла телефон и наклонилась над экраном.

Белая шёлковая блузка была застёгнута достаточно строго для деловой встречи. Но я знала, что делает с мужчинами чёрный шёлк белья, если показать его правильно.

Подушечкой пальца незаметно вытолкнула из петли ещё одну пуговицу.

Ткань разошлась.

С его места теперь была видна тонкая тёмная полоска и начало груди. Ровно столько, сколько я позволила. Ещё миллиметр — дёшево. Миллиметром меньше — бесполезно.

Я проектировала имидж и знала: мужчина сначала замечает обещание. И лишь потом понимает, что ему ничего не обещали.

Лейтенант заметил.

Его взгляд опустился с моего лица и задержался там, где не имел никакого отношения к следствию.

Я ввела код.

Экран сообщил об ошибке.

— Простите. Нервничаю.

Мужчина улыбнулся.

— Ничего. Не торопитесь.

Я повторила попытку.

Ещё одна ошибка.

Я вдохнула чуть глубже. Блузка натянулась, открывая ему ровно то, ради чего он не потянулся за телефоном после второй ошибки.

На третий раз пальцы якобы задрожали. Я нахмурилась, несколько раз коснулась экрана и дождалась, пока он погаснет.

Лейтенант всё ещё смотрел не туда.

Я купила шесть секунд.

Телефону требовалось пять.

Последовательность была не случайной. Телефон должен был заблокироваться, уничтожить то, что не предназначалось для посторонних, и передать Сыщику последний сигнал.

Если успел.

Если здесь ещё работала связь.

Если Гениальный Сыщик действительно был настолько гениален, насколько стоил.

Я ещё немного повозилась с погасшим экраном. Нажала боковую кнопку. Подождала.

Подняла на полицейского растерянные глаза.

— Ой. Не работает.

Застегнула пуговицу и протянула телефон обратно.

Он посмотрел на аппарат. На застёгнутую блузку. Потом на меня.

Улыбка исчезла.

Кружка «Лучший папа» вдруг перестала казаться забавной.

— Вы считаете себя очень умной?

— Нет. Просто забыла пароль.

— Отведите её в камеру, — сказал он человеку у двери.

— Пусть подумает.

* * *

Камера была рассчитана на четверых, но сидела я одна.

Бетонная скамья. Стол, прикрученный к полу. Тусклая лампа под металлической решёткой. Туалет за перегородкой, которая ничего не скрывала.

Телефона не было. Часов тоже.

Сначала я считала шаги от стены до стены.

Пять с половиной.

Стала считать удары собственного сердца.

Сбилась на трёхстах.

Сыщик должен был знать.

Он видел, как меня остановили. Или его человек видел.

В худшем случае он получил сигнал от телефона перед тем, как тот превратился в кирпич.

Сыщик знает.

Эту мысль я повторяла, пока она не стала похожа на молитву.

Франсуа ничего не знал.

Он мог писать мне из Парижа, звонить, раздражаться, а потом испугаться. Возможно, к ночи он свяжется с Сыщиком по номеру, который я оставила ему перед вылетом.

Если поймёт, что это уже та самая критическая ситуация.

Если не решит подождать до утра.

Артём понял бы сразу.

Я почувствовала тепло его тела раньше, чем успела запретить себе вспоминать.

Голос возле уха.

Дыхание в волосах.

«Я должен буду доложить».

Он доложил.

Разумеется, доложил.

Но не мог же он после того, что произошло между нами, приказать подбросить что-то в мою машину.

Не мог.

Или мог?

Я знала его меньше двух суток. Видела две улыбки, одно безупречное движение с грифом и миллиметры воздуха между нашими телами.

Этого было достаточно, чтобы хотеть мужчину.

И совершенно недостаточно, чтобы ему верить.

Может быть, я просто кошка, которая приняла тепло за безопасность.

Сыщик примерно оценил доход Артёма в организации. Много для обычного исполнителя. Но слишком мало для бизнесмена, способного предложить десятки миллионов в месяц.

Значит, не хозяин.

Исполнитель.

И такого красавца держат исполнителем.

Мой тип.

Я закрыла глаза и прислонилась затылком к стене.

Даша, тебя посадили в камеру из-за чего-то, а ты думаешь о его плечах.

Прекрасно.

Ночью в соседней камере кого-то начали избивать.

Я не видела ни человека, ни тех, кто к нему вошёл. Только слышала удары и крик.

Бедняга орал благим матом. Просил перестать. Снова орал.

Пугают, объясняла я себе.

Это спектакль. Давление. Они хотят, чтобы я представила себя на его месте.

Разум всё понимал.

А мне было страшно до усрачки.

Я сидела на бетонной скамье, обняв себя за плечи, и ждала, когда откроется моя дверь.

Она не открылась.

Крики постепенно стихли.

Я не заснула.

Вторую ночь подряд.

* * *

На следующий день ничего не произошло.

Мне принесли воду и пластиковую миску с кашей. Один раз вывели в коридор, заставили ждать у стены и вернули обратно.

Ни вопросов.

Ни следователя.

Ни адвоката.

Никто больше не просил разблокировать телефон.

К вечеру я поняла: это тоже было частью разговора.

Тишина давила лучше угроз. В ней Франсуа оставался в Париже. Сыщик мог оказаться не таким гениальным. Дубай уходил к другой женщине. А я сидела в бетонной коробке и не знала, который час.

Они не ждали признания.

Им было не нужно, чтобы я рассказала, откуда взялся пакет.

Они ждали, когда я сама попрошу о помощи.

И назову имя человека, способного открыть эту дверь.

Артём Васильев.

Глава 6

Артём Васильев.

Имя осталось висеть в воздухе камеры.

Я могла потребовать звонок. Попросить привести доброго лейтенанта с кружкой «Лучший папа». Сказать, что готова назвать человека, который за меня поручится.

И произнести два слова.

После этого дверь наверняка открылась бы.

Вопрос только — наружу или в следующую клетку.

Я так и не решила.

В ту ночь дверь больше не открылась.

Я снова не спала.

Утром в замке повернулся ключ.

— Сидорова, на выход.

Охранник не смотрел мне в глаза. Вчера он командовал так, будто камера принадлежала ему вместе со мной. Сегодня говорил тихо и торопливо.

— Куда?

— Идите.

Меня провели к дежурной части.

Там был только лейтенант.

Он стоял за стойкой рядом со своей кружкой и выглядел так, будто последние полчаса бегал по лестнице. Пот выступил у него на лбу, над верхней губой и тёмными пятнами

проступил на форме.

Я остановилась.

Он отвёл глаза.

— Можете идти.

Я ждала продолжения.

Подписи. Нового вопроса. Очередной доброй улыбки. Человека, который сейчас выйдет из соседней двери и объяснит, чего от меня хотят на самом деле.

Ничего.

Лейтенант взял кружку, обнаружил, что она пустая, и поставил обратно.

— Вы свободны, — повторил он.

Свободна.

После двух суток в бетонной коробке одно слово оказалось слишком большим, чтобы сразу в него поверить.

Я пошла к выходу.

Не спросила ни про паспорт, ни про телефон. Даже не вспомнила о них. Боялась, что, если остановлюсь или задам вопрос, кто-нибудь признает ошибку и вернёт меня обратно.

За спиной никто не окликнул.

Тяжёлая дверь закрылась.

Я оказалась на улице.

Без документов. Без телефона. Без единой бумаги, подтверждающей, что меня задерживали.

Я не знала, что произошло в отделении.

Но была свободна.

Пока.

* * *

Дневной свет ударил по глазам.

У тротуара стояли три чёрные машины с маленькими флажками на крыльях. У средней ждали двое мужчин в строгих костюмах.

И ещё один человек.

На нём была безупречно белая кандура — длинный арабский балахон, который на фоне серого московского отделения выглядел вызывающе. Поверх неё лежал лёгкий тёмный плащ с золотой отделкой. Идеально подстриженная борода, спокойное лицо и взгляд человека, которому не приходилось повторять вопросы.

Я узнала его.

Абдулла ибн Фахд ибн Халид аль-Хатиб. Специальный представитель правящей семьи, участник её деловых советов и человек, через которого проходили мои переговоры в Дубае.

Для внутреннего пользования — просто Абдулла.

Белое солнце пустыни. Стреляли...

Мне захотелось рассмеяться. Наверное, от недосыпа.

Абдулла осмотрел меня с головы до ног. Взгляд задержался на помятой одежде, но лицо не изменилось.

— Госпожа Сидорова.

— Что вы здесь делаете?

— Через двадцать семь минут у меня официальный госу-

дарственный приём.

— Это не ответ.

— Вы хорошо выглядите для женщины, которая провела две ночи в камере.

— Это тоже не ответ.

Он едва заметно улыбнулся.

Один из мужчин открыл заднюю дверь автомобиля.

— Садитесь. У нас мало времени.

— У вас мало времени.

— А за вами могут вернуться. Значит, у нас.

Возразить было нечего.

Я села в машину.

Абдулла устроился рядом. Дверь закрылась, отрезая шум улицы.

— Как вы узнали, где я?

— Ваш человек оказался весьма настойчив.

— Насколько настойчив?

— Он сообщил, что назойливые журналисты уже задают вопросы о женщине, которая должна работать с нашей делегацией, но почему-то исчезла в Москве.

— Просто сообщил?

— Очень вежливо.

В его голосе не было раздражения. Кажется, Сыщик ему понравился.

Оо-еее!

Гениальный Сыщик.

Я никогда в нём не сомневалась.

Почти.

Машина тронулась.

— В какую гостиницу? — спросил Абдулла.

— Ни в какую.

Он повернул голову.

— Там меня будут ждать в первую очередь.

— Разумно.

— Высадите меня у следующего перекрёстка.

— Нет.

— Это была просьба.

— Я понял.

Абдулла назвал водителю адрес официального приёма, затем посмотрел на часы.

— У меня одиннадцать минут, чтобы доставить вас туда, куда вы собираетесь.

Я назвала улицу в двух кварталах от тайника.

Не гостиницу. Не посольство. Не место, связанное с моим именем.

Он не спросил, что я там забыла.

— Почему вы приехали сами? — спросила я.

— Я хотел увидеть женщину, из-за которой журналисты начали задавать вопросы до завтрака.

— И как впечатление?

— Я ещё не решил.

— Тогда подготовьте предложение.

Теперь он улыбнулся по-настоящему.

На миг суровый представитель чужой власти стал мужчиной, которого развеселили.

Вот только его белый балахон, охрана и кортеж никуда не исчезли.

— Мой паспорт и телефон остались у них, — сказала я.

Только теперь до меня дошло, что я вышла из отделения с пустыми руками.

— Российский паспорт, — уточнил Абдулла.

Я посмотрела на него.

— Откуда вы знаете?

— Ваш человек сообщил, что французский находится в безопасности.

Ай да Сыщик.

— А телефон?

— Вы сами позаботились о том, чтобы он перестал представлять ценность.

В Москве почему-то каждый мужчина знал обо мне больше, чем следовало.

Машина остановилась у названного перекрёстка.

— Спасибо, — сказала я.

— Я пришлю счёт.

— Встаньте в очередь.

Я открыла дверь.

— Госпожа Сидорова.

Я оглянулась.

Абдулла больше не улыбался.

— Сегодня не возвращайтесь в гостиницу.

— Это совет?

— Это единственное, в чём мы с вашим человеком полностью согласны.

* * *

Я дождалась, пока кортеж исчезнет за поворотом, и пошла в противоположную сторону.

Тайник находился в цокольном этаже старого торгового центра. Ряд металлических ячеек у закрытой химчистки. Мы с Сыщиком выбрали это место ещё до моего прилёта — на случай, если я останусь без телефона, денег и возможности вернуться в гостиницу.

Тогда я считала подготовку чрезмерной.

Теперь хотелось расцеловать каждую холодную металлическую дверцу.

Код я помнила.

Замок щёлкнул.

Внутри лежал чёрный свёрток.

Я развернула его прямо на полу.

Длинное чёрное худи до щиколоток. Огромный капюшон. Тёмные очки: их оправа создавала невидимые глазу блики, которые искажали изображение лица на камерах.

Или превращали меня в подозрительную женщину в балахоне и тёмных очках.

Прекрасно.

Рядом лежали простой телефон, пачка наличных и мой французский паспорт.

Я взяла его в руки.

Сыщик увидел задержание и сразу отдал помощнику команду войти в мой номер раньше полиции.

Может, помощник и вправду зашёл только после моего ареста, а не просидел в гардеробе всю предыдущую ночь, с надеждой подумала я.

Иначе он мог увидеть такое, что запомнил бы на всю жизнь.

На дне ячейки обнаружилась сложенная записка.

«Скорее всего, вас уже ждут в аэропортах, на выездах в направлении границы и у французского посольства. Не советую».

Заботится о способности клиента оплачивать счета, подумала я.

Оо-еее!

Я надела худи, натянула капюшон и спрятала глаза за специальными очками.

Теперь у меня были деньги, паспорт и телефон.

Не было только места, куда можно пойти.

Гостиница отпадала. Там меня наверняка уже ждали.

Французское посольство — тоже. Сыщик специально предупредил.

Можно было купить билет на первый рейс из Москвы. Но в Россию я въехала по российскому паспорту, а он остался у

лейтенанта вместе с кружкой «Лучший папа». Попытка вылететь по французскому могла закончиться ещё одной комнатой без окон.

Поезд. Автобус. Машина до границы.

На очевидных направлениях меня будут искать раньше, чем я успею выбрать.

Оставался Казахстан.

Добраться до границы, перейти её где-нибудь в безлюдном месте, а потом купить билет в Дубай. Если поймают — отвечать только по-французски и ждать, пока меня вышлют во Францию.

Прекрасный план.

Правда, переводчиков человечество изобрело раньше меня. А после казахской камеры меня могли отправить не во Францию, а туда, откуда я незаконно пришла.

Обратно в Россию.

План становился всё лучше.

Я могла позвонить Франсуа. Только что он сделает из Парижа, кроме того, что начнёт сходить с ума вместе со мной?

Могла обратиться к Абдулле. И окончательно превратить будущий контракт в личный долг.

Больше вариантов не было.

Я включила новый телефон и открыла Телеграм.

Я: Почему ты не положил к паспорту вибратор из моего номера?

Сыщик: Ха-ха-ха.

Я: Я серьёзно.

Сыщик выдержал минутную паузу.

Телефон коротко завибрировал.

Сыщик: Прошу прощения, мадам. Хотите, чтобы вам позвонил тот мужлан?

Я смотрела на сообщение секунд десять.

Он не сказал, какой именно мужлан.

Я: Да...

Телефон зазвонил раньше, чем я успела убрать руку.

Номер был незнакомым.

Но я поняла, кто звонит, ещё до того, как ответила.

— Где вы? — спросил Артём.

Глава 7

— Где вы? — спросил Артём.

Ни приветствия. Ни вопроса, как я себя чувствую после двух ночей в камере.

Сразу к делу.

— Вы должны знать.

— Я знаю, где находится телефон. Я хочу услышать это от вас.

Я посмотрела на металлические ячейки, закрытую химчистку и своё отражение в тёмной витрине.

Чёрное худи до пят. Огромный капюшон. Очки, превращающие лицо на камерах в световое пятно.

Мечта любого маньяка.

— В торговом центре.

— Выходите через дверь у аптеки. Поверните направо и идите до мусорных контейнеров.

— Романтично.

— Даша.

Он впервые назвал меня так.

Без Сергеевны. Без вежливой дистанции. Одно короткое слово — и я услышала в его голосе то, чего мне не хватало в камере.

Тепло.

— Семь минут, — сказал он. — Не садитесь ни в одну

машину, кроме моей.

— А как я её узнаю?

— Узнаете.

Он отключился.

Самоуверенный мужлан.

Через шесть минут у контейнеров остановился старый бежевый фургон с надписью «Ремонт холодильников».

За рулём сидел Артём.

Я открыла пассажирскую дверь.

— МГИМО? Холодильный факультет?

— Повышение квалификации.

Я села.

Он дождался, пока я пристегнусь, и только потом тронулся. Ни объятий. Ни попытки коснуться. Даже не спросил, почему на мне балахон, в котором можно похоронить небольшую семью.

Но его взгляд несколько раз возвращался к моим рукам.

На запястьях остались красные следы от наручников.

— Куда мы едем?

— Туда, где вас не станут искать.

— В морг?

— Там проверили первым делом.

Я повернулась к нему.

Артём смотрел на дорогу. Спокойный профиль, чистая рубашка, обе руки на руле. Только челюсть была напряжена сильнее обычного.

— Вы знали, что меня задержат?

— Я знал, что на вас будут давить.

— Это не ответ.

— Другого пока не будет.

— Удобно.

— Нет.

Одно слово прозвучало слишком быстро.

Я отвернулась к окну.

Город плыл мимо — серый, мокрый, равнодушный. Несколько раз Артём менял направление без причины. Один раз свернул во двор, проехал между домами и вернулся на параллельную улицу.

Через полчаса мы остановились у огромного жилого комплекса. Несколько одинаковых башен, десятки подъездов, сотни окон. Место, где соседи годами не знают друг друга в лицо.

— Здесь?

— Здесь.

— И почему меня не станут искать здесь?

— Потому что квартиру выбирал не я. Ваш Сыщик подготавливал её ещё до вашего приезда.

— Вы уже работаете вместе?

— Мы временно не мешаем друг другу.

Он вышел.

* * *

Квартира оказалась безликой и временной.

Светлый ламинат. Пустые полки. Дешёвый диван. На кухне — стол на двоих и новый холодильник, который работал едва слышно.

Никакой стали, чёрного мрамора и панорамных окон.

— Чья она?

— Никого из тех, кого станут проверять.

Артём закрыл дверь и протянул мне плотный конверт.

Внутри лежал российский паспорт.

Я молча смотрела на него.

— Как?

— Лейтенант обнаружил, что изъятие было оформлено неправильно.

— Сам обнаружил?

— Ему помогли.

Я раскрыла паспорт. Фотография, страницы, штампы — всё на месте.

— В аэропорту меня задержат?

— Нет.

— Вы уверены?

— Да.

— Потому что сами поставили ограничение?

Артём посмотрел мне в глаза.

— Потому что его больше нет.

Опять не ответил.

Но паспорт уже лежал в моих руках. Дверь оставалась за спиной. Я могла уйти прямо сейчас, взять такси, исчезнуть

и никогда больше его не увидеть.

Он ничего не требовал.

— В ванной чистые полотенца, — сказал Артём. — На кухне еда. Вылет завтра в одиннадцать десять. До этого вам нужно поспать.

— А вам?

— Мне нужно убедиться, что за домом не следят.

Он взял куртку.

— Артём.

Остановился.

Я могла спросить, зачем он это делает. Могла потребовать правду о машине, пакете и лейтенанте.

Вместо этого спросила:

— Есть что-нибудь переодеться?

Он снял взглядом моё худи до пят.

— В спальне.

И ушёл.

* * *

Под горячей водой я стояла долго.

Смывала запах камеры, страх и чужие крики за стеной. Тёрла запястья, пока красные полосы не стали ещё ярче. Закрыла глаза и позволила воде стекать по лицу.

Я была свободна.

По крайней мере до аэропорта.

В спальне нашлась новая белая мужская рубашка. Судя по размеру, Артём привёз её для себя. Она доходила до середи-

ны моих бёдер и пахла только чистой тканью. Всё остальное моё воображение добавило само.

Надела её исключительно потому, что другой одежды не было.

Почти.

На кухне стояли хлеб, сыр, яйца и кастрюля с чем-то горячим. Рядом лежала записка:

«Ешьте. Спите. Никуда не выходите».

Три приказа.

Я выполнила два.

Поела прямо у стола, дошла до спальни и упала на кровать поверх покрывала.

Последней мыслью было, что дверь в квартиру не заперта изнутри.

Это почему-то не испугало.

* * *

Проснувшись я в темноте.

Спросонья не понимала, где нахожусь. Полоска света под дверью и тихий стук клавиш вернули меня в квартиру.

Артём сидел на кухне с ноутбуком.

Рукава рубашки были закатаны. Галстука не было. На столе стояла чашка кофе, рядом лежал телефон.

Он поднял голову.

Его взгляд остановился на моей рубашке.

Точнее, на его рубашке на мне.

— Который час?

— Без четверти два.

— Почему вы не ушли?

— Вы не закрыли дверь.

— Я думала, это безопасное место.

— Безопасных мест не бывает.

— А безопасные мужчины?

Артём закрыл ноутбук.

— Тем более.

Я подошла к столу.

Остановилась рядом. Достаточно близко, чтобы почувствовать знакомый горький запах.

— В лифте вы хотели меня коснуться?

Он не отвёл взгляда.

— Да.

— Почему не коснулись?

— Вы не попросили.

— Я встала к вам так близко, что между нами не осталось воздуха.

— Но остался выбор.

Вот за это я его и ненавидела.

За спокойствие. За точные слова. За способность заставить меня сделать следующий шаг самой.

Я коснулась пальцами его воротника.

— А сейчас?

Он поднялся.

Стул тихо отъехал назад. Артём оказался передо мной —

большой, тёплый, собранный. Всё ещё не касался.

— Сейчас выбор тоже ваш.

Паспорт лежал в спальне. Вылет был назначен. Дверь находилась в трёх шагах.

Я была свободна.

— Тогда закройте её, — сказала я.

Он закрыл дверь кухни.

— Не эту.

Артём прошёл в прихожую и повернул замок входной двери.

Вернулся медленно.

Будто давал мне время передумать.

Я не передумала.

Первой взяла его за рубашку и потянула к себе.

Поцелуй оказался совсем не таким, как я представляла.

Горячее.

Жёстче.

Честнее всех его ответов.

Артём обхватил мой затылок и прижал к себе. Сдержанности больше не было, словно в лифте он оставил её только на время. Я почувствовала его грудь, живот, силу рук — всё, что тогда существовало в миллиметре от меня.

Теперь миллиметров не было.

— Даша... Мне нравится твоё имя, — прошептал он мне в губы.

Я провела ладонями по его плечам. Тем самым. И ниже,

по спине, чувствуя, как напрягаются мышцы под тканью.

Он оторвался от моих губ.

— Даша.

Вопрос прозвучал одним именем.

— Не останавливайся.

Его ладонь легла мне на талию.

Наконец-то.

Провела по спине именно так, как я представляла ночью в гостинице. Между лопаток. Вдоль позвоночника. Ниже. До самого края рубашки.

И дальше.

Я выдохнула ему в губы.

Он подхватил меня, и пол исчез. Я обняла его, не думая ни о камере, ни о Дубае, ни о том, сколько правды он от меня скрывает.

Спальня оказалась ближе, чем я помнила.

Артём положил меня на кровать и остановился.

Смотрел сверху, тяжело дыша. Впервые я видела, сколько усилий ему стоит не потерять контроль.

Он не спрашивал. Молчал и смотрел мне в глаза, оставляя последнее движение за мной.

Я расстегнула верхнюю пуговицу его рубашки.

Пальцы потянулись к следующей.

Этого ответа ему хватило.

Его губы прошли по моей шее. Ниже. Медленно, будто он хотел запомнить каждую реакцию. Я выгнулась навстречу,

зарылась пальцами в его волосы и перестала понимать, где заканчивается желание и начинается безумие.

Я растегнула на себе оставшиеся пуговицы. Рубашка раскрылась.

Его взгляд скользнул по моей груди — и остановился на запястьях.

Артём взял мою руку, повернул ладонью вверх и коснулся губами красного следа от наручников.

От этой нежности внутри стало больнее, чем от любого резкого движения.

— Не жалею меня, — прошептала я.

Взяла его ладонь и положила себе на грудь.

— Хочу тебя.

Жалости в его взгляде не было. Только желание, которое он больше не пытался скрывать.

Его ладонь сжала мою грудь. Я выгнулась навстречу и прижалась к нему сильнее.

Я пыталась сохранить хотя бы видимость контроля.

Не получилось.

Я сама раздвинула ноги и потянула Артёма к себе.

Он вошёл медленно, не отводя от меня глаз.

На мгновение я перестала дышать. Он остановился.

Я обняла его ногами и притянула ближе. Глубже.

Его дыхание сбилось. Челюсть напряглась. Под моими ладонями затвердели мышцы плеч.

Вот как сильно он меня хотел.

Он начал двигаться медленно, словно всё ещё слушал меня. Но я сама подалась навстречу, поймала его ритм — и он перестал себя сдерживать.

Теперь я могла не молчать. Не прятать дыхание, стоны и то, как сильно хотела его внутри.

— Даша... Даша... Даша... — шептал он у моих губ, у виска, у самой кожи. С каждым разом тише и безумнее, будто других слов у него не осталось.

Всё, что я удерживала последние дни — страх, злость, бессонницу, желание, — собралось в одну точку.

Следующее движение оказалось глубже.

Я выгнулась. Сжалась вокруг него. Вцепилась в его плечи и произнесла имя, которое не собиралась произносить.

— Артём.

Он прижал меня к себе, уткнулся лицом в мою шею и дрогнул всем телом.

Наступила тишина.

* * *

Я лежала у него на груди и слушала сердце.

Оно билось быстро.

Приятное открытие.

Артём Васильев всё-таки был человеком.

Его ладонь скользила по моей спине. Не требовала. Не направляла. Просто касалась.

В голове не осталось ни одной мысли.

Тело стало лёгким, ленивым, совершенно счастливым.

Камера исчезла. Москва отступила. Даже Дубай мог немного подождать.

Наверное, так и выглядела нирвана.

Не облака, не музыка и не просветление.

Мужское плечо под щекой и полное отсутствие необходимости куда-то бежать.

— Ты жива? — спросил Артём.

— Не уверена.

— Проверить?

Я приподнялась и посмотрела на него.

Спокойствие возвращалось на его лицо.

Нельзя было этого допустить.

— Это всё, на что способен МГИМО? — спросила я.

Он рассмеялся.

Впервые — не улыбнулся, не изобразил лёгкое веселье, а рассмеялся по-настоящему.

Я перекинула ногу через него и оказалась сверху.

— Даша.

Теперь моё имя прозвучало предупреждением.

— Что?

— Тебе нужно поспать.

— Я только что проснулась.

Я наклонилась и поцеловала его. Губами прошла по шее, чувствуя, как он снова твердеет подо мной.

Приподнялась, направила его в себя ладонью и начала опускаться, не отводя глаз.

Хотела увидеть, что он чувствует. И почувствовать это вместе с ним.

На этот раз медленно. Миллиметр за миллиметром.

Хотела чувствовать всё — как принимаю его, как сжимаюсь вокруг. Видеть его глаза, пока он входит глубже. Ещё глубже.

Теперь — до самого конца.

Хотела поймать момент, когда он снова перестанет быть спокойным. Услышать то самое дыхание, ради которого повернулась к нему спиной в лифте.

Артём позволил мне вести.

Недолго.

— Даша... Даша... Даша... — прошептал он, и я услышала, как окончательно сбилось его дыхание.

Он перевернул нас одним движением, и нирвана закончилась.

Началось что-то ещё лучше.

* * *

Утром меня разбудил запах кофе.

Я лежала одна, укрытая одеялом. Тело сладко ныло, голова была ясной впервые за несколько дней.

На кухне Артём стоял у окна в брюках и расстёгнутой рубашке.

Я остановилась в дверях.

— У тебя ширинка расстёгнута.

Артём посмотрел вниз, выдержал паузу и поднял бровь.

— Шутка.

— Ты всегда так быстро становишься приличным?

— Не всегда.

— Хорошо.

Он протянул мне чашку.

На столе лежали оба паспорта, новый телефон и распечатанный билет до Дубая.

— Машина будет через сорок минут, — сказал Артём.

— Ты со мной?

— До контроля.

Я отпила кофе.

— Нафига тебе это?

— Конкретнее.

— Твоя организация. ГосРосПриродоведение. Все эти специальные проекты, поручения и доклады.

Он застегнул пуговицу на рубашке.

— Мне хорошо платят.

— Тебе недостаточно хорошо платят.

Артём посмотрел на меня.

— С твоими талантами ты всё равно останешься исполнителем. А решения будут принимать сынки и приближённые. Люди, единственное достижение которых — правильная фамилия или правильно выбранный отец.

— И всю жизнь будешь ходить в пиджаке и рубашке, как дорогая прислуга, чтобы сынки рядом чувствовали себя хозяевами.

Артём посмотрел на свою расстёгнутую рубашку.

— Это называется деловой стиль.

— Нет. Это называется униформа.

— Ты ничего не знаешь о том, что я получаю.

— Зато вижу, чего ты не получишь никогда.

Он поставил чашку на подоконник.

— И чего же?

— Права сказать «нет».

На кухне стало очень тихо.

Я продолжила:

— Они решают. Ты исполняешь. Если всё получается, молодцы они. Если нет — отвечаешь ты. И однажды тебе покажут уничтожить что-то, что ты захочешь сохранить.

Его взгляд скользнул по моему лицу.

— Например, тебя?

— Например, себя.

Артём отвернулся к окну.

За стеклом просыпался двор. Женщина выгуливала маленькую собаку. У подъезда ругались из-за парковки. Обычная жизнь, в которой никто не знал, чем занимается мужчина на этой кухне.

— У людей вроде меня нет фамилий, которые открывают двери, — сказал он.

— У меня тоже не было.

Он обернулся.

— И что ты сделала?

— Свою.

На секунду в его лице что-то изменилось.

Не улыбка. Не согласие.

Сомнение.

Совсем маленькое. Но я увидела.

Если мои слова останутся с ним после того, как самолёт оторвётся от земли, между нами ещё могло что-то получить-ся.

Не сегодня.

Не в Москве.

Но когда-нибудь — возможно.

* * *

В аэропорту российский паспорт приняли без вопроса.

Я прошла контроль, не оборачиваясь. Только у выхода к самолёту позволила себе посмотреть назад.

Артёма уже не было видно.

Телефон завибрировал.

Артём: Ты всё ещё не ответила на наше предложение.

Я улыбнулась.

Я: Нет.

Экран вспыхнул.

Артём: Я должен буду доложить.

Я: Доложи. А то дяди заругают.

Самолёт разогнался и оторвался от земли.

Москва поползла вниз.

Козы тоже летают.

Особенно Сидоровы.

Глава 8

Когда самолёт коснулся полосы, меня бросило в жар.

Ремень натянулся на бёдрах.

Точно так же ночью меня удерживала рука Артёма.

Я закрыла глаза — и стало хуже.

Сразу вспомнилось его дыхание у моего уха. Тяжесть тела.

Голос, которым он снова и снова шептал моё имя.

Даша... Даша... Даша...

Внизу живота всё сладко сжалось.

Бабочки, говорят.

Какие к чёрту бабочки. Там носилась целая стая летучих мышей.

— Мадам, вам нехорошо?

Я открыла глаза.

Надо мной склонилась стюардесса. По лицу было видно: сейчас предложит воду, врача и кислородную маску сразу.

Жаль, нужного мужчины в её тележке не было.

— Всё хорошо.

Прозвучало неубедительно.

За иллюминатором лежал Дубай — светлый, раскалённый, геометрически безупречный.

Я прилетела ради контракта, который мог сделать меня международным именем.

А думала о том, как Артём смотрел на меня утром, стоя

у окна в расстёгнутой рубашке.

Добро пожаловать.

* * *

Французский паспорт проштамповали без единого вопроса. За матовым стеклом зоны официальных гостей меня ждали две женщины.

Первой было не больше двадцати пяти. Тонкая, высокая, в костюме песочного цвета. Огромные тёмные глаза, полные губы и мягкое молодое лицо, от которого хотелось улыбнуться в ответ.

Вторая была старше. Светлое платье, гладкие чёрные волосы, спокойный взгляд. На неё не хотелось глазеть. Но отвести глаза всё равно было трудно.

Какие красавицы.

Абдулла такую, как Лейла, пропустить не может. Как и Нуру — но по-другому.

А может, сразу обеих?

Я представила его между ними. Мужские ладони на двух женских талиях. Спокойное лицо, которое наконец перестало быть спокойным.

И тут Абдулла исчез.

Вместо его рук я увидела руки Артёма.

На мне.

Тёплая волна прокатилась по телу. Дыхание сбилось, колени ослабли, и я застыла посреди прохода.

— Даша?

Мягкий окрик вернул меня в аэропорт. Ударение на последнем слоге прозвучало по-французски.

— Простите. Бессонная ночь.

Взгляд старшей женщины едва заметно скользнул к моей шее. Туда, где под тонким слоем тонального крема оставался след губ Артёма.

— Понимаю, — сказала она.

Ни улыбки, ни осуждения.

Она просто всё поняла. По-женски. И не полезла с вопросами.

Мне захотелось прикрыть шею ладонью. И тут я вспомнила, как Артём задержал губы на этом месте. Он не мог не понимать, что оставляет след. Получается, сделал это нарочно?

Пометил меня перед Дубаем.

От этой мысли стало жарко до кончиков пальцев.

— Я Нура. А это Лейла. Добро пожаловать в Дубай.

Нура сама приехала меня встречать.

Либо мой контракт был важнее, чем я думала, либо это тоже было испытанием.

Скорее всего, и то и другое.

Перед выходом я стёрла телефон, сломала сим-карту и оставила аппарат в контейнере для старой электроники. Артём уже звонил на этот номер в Москве. Теперь его могли знать и другие.

— Проблема? — спросила Лейла.

— Уже нет.

Она посмотрела на уничтоженный телефон, потом на меня и больше ничего не спросила.

* * *

По дороге Лейла перечислила ужины, скачки, пустыню и яхту. Подписание назначили на пятницу, но до него меня собирались рассматривать со всех сторон.

Четырёхдневное собеседование, включая переговоры во время скачек на верблюдах.

Я устроилась глубже в мягком кресле. Ткань юбки натянулась на бёдрах.

Тело немедленно вспомнило другую позу. Кухонный стол. Артём между моих коленей.

Я резко выпрямилась.

Блузка скользнула по груди. Ещё одно воспоминание.

Это становилось невыносимо.

Любое движение, любой поворот напоминали, что я делаю с Артёмом в такой позе и что при этом чувствовала.

Я могла выбросить телефон.

Тело выбросить было сложнее.

— Мою презентацию уже видел совет? — спросила я, чтобы услышать собственный голос.

— Начнём сейчас.

* * *

Через полчаса мы сидели за длинным столом в резиденции Нуры.

Она открыла мою презентацию.

— Объясните.

Я наклонилась над столом.

Спина выгнулась.

И на одно мучительное мгновение вместо прохладной комнаты я почувствовала Артёма за собой. Его ладонь двигалась вдоль позвоночника. Ниже. Ещё ниже.

Кожа под блузкой отозвалась мурашками.

Я перестала видеть буквы.

— Даша?

Голос Нуры был мягким, но я вздрогнула.

— Я здесь.

— Не уверена.

Лейла опустила глаза, пряча улыбку.

Я заставила себя посмотреть на страницу.

Золото. Песок. Сокол. Всё, чем иностранцы украшали Восток, когда не понимали, что ещё с ним делать.

— Это нужно убрать.

— Почему?

— Потому что вы не экзотическая женщина, которую Европа должна одобрить. Вы женщина, чьи правила Европе придётся выучить.

Нура перестала улыбаться.

Теперь она слушала.

Я перевернула страницу. Потом следующую. С каждым разворотом становилось легче. Цвета снова обрели смысл. Чужие ошибки начали раздражать сильнее, чем воспомина-

ния о руках Артёма.

На третьей странице я потянулась за карандашом и опять замерла.

— Даша? — тихо напомнила Нура.

Я взяла карандаш.

— Последний раз.

— Посмотрим.

Я перечеркнула половину страницы.

Потом ещё одну.

Задала Нуре вопрос. Услышала ответ. Возразила. Она возразила мне. Я забыла посмотреть на часы.

В какой-то момент заметила, что больше не прислушиваюсь к собственному телу.

Я снова работала.

— Вас хочет видеть Абдулла, — сказала Нура, закрывая папку.

Она многозначительно посмотрела на Лейлу. Та опустила глаза, пряча улыбку.

Я машинально прикрыла шею ладонью.

Нура улыбнулась ещё заметнее.

* * *

Абдулла ждал в небольшой гостиной с окнами на сад.

Он поднялся мне навстречу. Сегодня на нём была белая кандура, но без тёмного плаща и золотой отделки. Просто безупречно белая ткань, спокойная улыбка и взгляд, от которого большинство женщин наверняка забывало, зачем во-

шло.

— Даша́.

Он произнёс моё имя так, словно мы не расстались вчера в Москве, а всё это время продолжали один разговор.

Абдулла взял мою руку и коснулся губами пальцев.

Не обозначил поцелуй.

Поцеловал.

Медленно, глядя мне в глаза.

— Дубай был красив и до вашего приезда, — сказал он.

— Но теперь у города появился повод гордиться собой.

— Вы тренировались?

— Всю дорогу из Москвы.

Он не отпустил мою руку сразу. Его взгляд скользнул по моему лицу и волосам.

Я могла бы сейчас чуть расставить ноги. Выгнуться ровно настолько, чтобы ткань натянулась на груди. Посмотреть на него из-под ресниц и немного приоткрыть губы.

Я знала, как это делается.

Даже если бы меня спрятали до пят под бесформенным балахоном, одного взгляда хватило бы, чтобы мужчина напротив забыл своё имя.

Абдулла — тоже.

Но это был не тот мужчина.

Поэтому я мягко высвободила пальцы и перешла к делу.

— Мы деловые партнёры, не так ли?

Абдулла замолчал.

Не обиделся. Не сделал вид, что не понял. Только посмотрел внимательнее.

— Я на это рассчитываю.

— Тогда давайте не будем усложнять бизнес.

— Очень европейская формулировка.

— Зато понятная на любом языке.

Он жестом предложил мне сесть.

На этот раз без поцелуев.

Я опустила в кресло напротив.

Злые языки утверждали, что врага династии нашли по частям в багажнике «Шевроле».

Европейцы такие чистюли...

Разумеется, наследные принцы не могли иметь к этому отношения. Ни-за-что. Какой принц замазается таким дешёвым автомобилем?

Именно поэтому семье понадобился специалист по международному имиджу.

Именно поэтому им понадобилась я.

— Я хотела поблагодарить вас за Москву, — сказала я. — По-настоящему. Не формальной запиской и не подарком от компании.

Абдулла слегка наклонил голову.

— Вот за это я вами и восхищаюсь, мой великодушный господин.

Я сказала это тепло и убрала руку с края стола.

— Но?

Умный мужчина.

— Но благодарность не меняет условий нашего сотрудничества.

— Я не просил вас расплачиваться благодарностью.

— Поэтому мы всё ещё разговариваем.

Абдулла улыбнулся.

На этот раз без комплиментов.

— Хорошо, Даша. Деловые партнёры.

Он подал мне руку.

Я пожала её.

Абдулла отпустил мои пальцы сразу.

А вот взгляд задержался. Сначала на губах. Потом ниже — там, где начинался вырез платья.

Артём посмотрел бы по-другому, подумала я. Так, что я сразу вспомнила бы его руки.

Глава 9

В дверь гостиничного номера постучал мальчик в форме посыльного.

Он молча протянул мне маленькую чёрную коробку, получил деньги и исчез прежде, чем я успела спросить, кто его прислал.

Внутри лежал новый телефон.

Без записки.

Я и так знала, от кого.

Мальчик вместо курьерской службы. Для надёжности.

На кровати рядом лежало изумрудное шёлковое платье, приготовленное к вечернему приёму.

Экран загорелся, едва я взяла аппарат в руки.

Сыщик: Природоведение копает. Они собирают инфо о вас в Париже.

Я перечитала сообщение.

Артём доложил дядям, что я отказалась. Теперь дяди хотели понять, чем меня можно заставить передумать.

В Париже у меня были квартира, счета, компания, клиенты и Франсуа.

И собака.

С неё станется первой продать меня за кусок колбасы.

Я: Теперь копай и ты. Что они могут найти?

Ответ пришёл не сразу.

Сыщик: Всё зависит от того, насколько хорошо вы прятали то, что не хотели показывать.

Очень полезно.

И очень обнадеживает.

Я: За такие ответы я и плачу втрое.

Сыщик: Уже вчетверо, мадам.

Я: Тогда найди что-нибудь раньше них.

Я выключила экран.

Я посмотрела на себя в зеркало. Через час меня собирались показывать людям, способным купить половину Парижа, а вторую снести ради хорошего вида из окна.

Всё было при мне: международный контракт, изумрудное платье и организация с длинным бессмысленным названием на хвосте.

Обычная деловая поездка.

* * *

Следующие два дня состояли из полусвета и полубизнеса.

Утром мы смотрели верблюжьи скачки из прохладной лужи. Рядом со мной сидела актриса, которую я видела на трёх парижских афишах, и мужчина, владевший сетью отелей, но представившийся просто Саидом.

Пока верблюды неслись по раскалённой дорожке, Саид спросил, как я отношусь к запуску моего проекта сразу в шести странах.

— Положительно, — ответила я. — Если в каждой из них мне заплатят отдельно.

Актриса рассмеялась.

Саид — нет.

Зато через минуту попросил помощника принести договор.

Теперь я понимала, зачем в расписании были верблюды.

Вечером мы ели в пустыне под шатром, где ковры стоили дороже моей первой парижской квартиры. Люди переходили от шампанского к нефти, от лошадей к инвестициям и от сплетен к государственным решениям, не меняя выражения лица.

Абдулла появился ближе к полуночи.

Поздоровался. Спросил, всё ли меня устраивает. Представил владельцу двух телеканалов.

Никаких поцелуев руки.

Никаких комплиментов.

Только его взгляд каждый раз задерживался на мне на одно мгновение дольше, чем требовала деловая вежливость.

Руки он держал при себе.

Взгляд — не всегда.

На следующий день были завтрак с людьми, которые никогда не завтракали, встреча с женщинами, которые улыбались только фотографам, и примерка платья для пятничного приёма.

К вечеру я перестала вспоминать Артёма при каждом движении.

Теперь он возникал примерно при каждом третьем.

Прогресс.

* * *

Яхта была белой, огромной и совершенно бессмысленной.
Идеальная яхта.

К пристани она должна была вернуться только утром.

На верхней палубе играл квартет. Внизу горели золотые
огни Дубая. Гости переходили от одного столика к другому,
оставляя за собой шлейф духов, нейлона, кружев, денег и
чужих секретов.

У бара стоял красивый мальчик лет двадцати восьми.
Тёмные волосы, широкие плечи, чуть насмешливый взгляд.
Именно мой тип. До последней ресницы.

Он заметил меня и улыбнулся.

В Париже я уже представляла бы, как он выглядит без ру-
башки. Я бы точно его захотела.

Но не сейчас.

Сейчас я смотрела на безупречного мужчину и не чув-
ствовала ничего.

Он был моим типом.

Просто он не был Артёмом.

Я выдержала два комплимента, три предложения о со-
трудничестве и разговор с французским модельером, кото-
рый делал вид, что впервые слышит моё имя.

Врал плохо.

Когда мне понадобилось пять минут тишины, я ушла с
верхней палубы и свернула не в тот коридор.

Впереди шла Лейла.

Не в песочном костюме. На ней было длинное синее платье, открывавшее спину почти до талии. Волосы рассыпались по плечам. Она двигалась медленно, будто знала, что на неё смотрят, даже когда вокруг никого нет.

У двери в конце коридора стоял охранник.

Лейла сказала ему несколько слов. Он открыл дверь и склонил голову.

Я успела увидеть тёмное дерево, мягкий свет и мужскую фигуру у окна.

Личные покои принца.

Дверь закрылась.

Абдулла такую пропустить не мог.

Оказывается, принц тоже.

А может, я вообще ничего не понимала в местных маршрутах.

Я вернулась наверх.

Нура стояла на корме одна. Бокал оставался нетронутым. Она смотрела на чёрную воду, но, кажется, не видела ни воды, ни огня, ни города.

Та же безупречная Нура — только сейчас она забыла держать спину.

Передо мной стояла просто женщина, которую кто-то оставил одну.

Я остановилась рядом.

— All men are assholes! — твёрдо сказала я по-английски.

Все мужики — сволочи.

Нура опустила голову, соглашаясь.

Я накрыла её руку ладонью.

Нура не отстранилась. Закрыла глаза, перевернула руку и сжала мои пальцы.

Я взяла с подноса второй бокал и протянула ей.

Она приняла его. На этот раз выпила.

Мы стояли молча, глядя на огни. Я не знала, из-за кого Нура смотрела на воду с таким пустым лицом. И не собиралась спрашивать.

Через несколько минут Нура поставила пустой бокал на поднос и ушла.

Я не стала её останавливать.

По дороге к каюте я снова увидела того мальчика. Он стоял у лестницы и провожал меня томным взглядом.

Тебе сегодня не повезло. Приятных снов, mon ami, подумала я и пошла дальше, чувствуя, как платье касается бёдер. Почти как ладони Артёма.

Я вернулась в свою каюту и заперла дверь.

Проверила замок. Потом ещё раз.

Здесь я была одна и, насколько это вообще возможно на чужой яхте, в безопасности.

Телефон в моей сумочке коротко завибрировал.

Сообщение от Сыщика.

Сыщик: Финист — Ясный Сокол прилетает в Дубай.

Живот светло. Я перечитала сообщение. Потом ещё раз.

Перед глазами поплыло, ноги ослабли, и я плюхнулась на ближайший диван.

Несколько секунд я сидела неподвижно, сжимая телефон. Потом экран перестал двоиться, и я наконец смогла попасть пальцем по клавиатуре.

Я: Сам дурак.

Отправила. Отложила телефон. Дождалась, пока дыхание выравнивается.

Опять не буду спать всю ночь.

Причём на яхте. Какой ужас, Ёпрст!

Глава 10

Я не спала.

Зато к утру внутри стало тише.

Тело всё ещё помнило ладони Артёма, его тяжесть, голос, моё имя у его губ. Но к утру я хотя бы смогла думать. Понемногу. Между двумя воспоминаниями.

Зачем он летит в Дубай?

Тело отвечало немедленно.

Ко мне.

Разум был менее романтичен.

Они что-то нашли.

Я взяла телефон.

Я: Когда?

Ответ пришёл через минуту.

Сыщик: SU520. Сегодня. Прилёт в 16:40.

Я перечитала сообщение трижды.

Потом оделась.

* * *

В аэропорту я сидела в дальнем углу кафе напротив выхода из зала прилёта.

Тёмные очки, платок на волосах, чужая сумка, купленная по дороге. Передо мной остывал кофе, к которому я не приоткрылась.

Я выбрала место за декоративной пальмой и видела двери

между листьями.

Телефон коротко завибрировал.

Сыщик: Мадам, при всём уважении, нельзя так явно. Мужчины этого не ценят.

Я не ответила.

Значит, видел меня.

Хорошо.

Пусть хотя бы один мужчина сегодня выполняет свою работу.

Двери разъехались.

Сначала вышла семья с двумя сонными детьми. Потом женщина в золотых босоножках, мужчина с тремя чемоданами и ещё десяток людей, которых я никогда больше не увижу.

А потом появился Артём.

Один.

Без встречающего. Без охраны. С небольшой чёрной сумкой через плечо.

Он остановился сразу за дверями и оглядел зал.

Не торопясь. Слишком внимательно для человека, которому просто нужно найти указатель к такси.

Его взгляд прошёл по водителям с табличками, по встречающим, по стеклянным дверям кафе. На секунду задержался на каждом женском силуэте.

На мне — нет.

Пальма оказалась полезнее, чем выглядела.

Артём пошёл к выходу. Через несколько шагов остановился и снова посмотрел назад.

И тогда я увидела его лицо.

Он искал меня.

Не ждал увидеть — я это поняла сразу. И всё равно не могла искать.

Словно сам себе запретил надеяться, а глаза не послушались.

У меня сжалось горло.

Тело победно прошептало: я же говорило.

Разум велел немедленно уходить.

На этот раз я послушалась разума.

Я вышла через боковую дверь кафе, спустилась на другой уровень и села в первое свободное такси.

Только когда аэропорт остался позади, сняла очки.

Он сам меня найдёт.

Если действительно прилетел ко мне.

* * *

В гостинице я написала Сыщику.

Я: Что они нашли в Париже?

Ответа не было семь минут.

Я успела пройти номер из конца в конец одиннадцать раз.

Сыщик: Ничего.

Я остановилась.

Я: Тогда зачем он здесь?

Сыщик: Я не закончил. У вас сомнительная родственни-

ца.

Я: Насколько сомнительная?

Сыщик: То ли прабабка, то ли прапрабабка. Польша. Война. Несколько имён и два разных свидетельства о рождении.

Я села на край кровати.

Я: И?

На экране долго стояло «печатает».

Сыщик: Возможно, еврейское происхождение.

Я вспомнила бабушкину историю.

Её рассказывали редко и всегда вполголоса. В Польше жила Роза — то ли бабушкина мать, то ли её бабка. Во время войны она пряталась от нацистов под чужим именем и с чужими документами. Выжила. Уехала. Потом вышла замуж, ещё раз сменила фамилию, и след потерялся.

В семье никто не знал, кем именно она была.

Или делал вид, что не знал.

Первая мысль была мерзкой и простой:

королевская семья не захочет иметь дело с еврейкой.

Потом включился разум.

Я не знала, имеет ли это для Абдуллы и его людей хоть какое-то значение. Возможно, никакого.

Но Природоведению не требовалась правда.

Им требовалось сомнение.

Слух. Архивная бумажка. Осторожный намёк человеку, который не захочет объясняться перед советом семьи из-за

иностранный женщины с неудобной родословной.

Принцу об этом сразу не скажут.

Сначала скажут мне.

Очень деликатно. Очень доброжелательно. Объяснят, что ситуация решаема.

Нужно лишь проявить разумность и согласиться сотрудничать.

Вот зачем летел Артём.

Если я не ошибалась.

Вдруг я была его заданием с самого начала?

Вдруг между нами ничего не было?

Для него.

* * *

Вечером проходил закрытый показ европейского художника, рисовавшего пустыни так, будто никогда не видел песка.

В зале блестели стекло, золото и люди. На стенах висели полотна размером с московские квартиры. Нура разговаривала с куратором. Абдулла стоял рядом с пожилым французом и время от времени смотрел в мою сторону.

Я улыбалась. Задавала вопросы. Даже запомнила имя художника.

Я даже держалась вполне прилично.

А потом я увидела Артёма.

Он стоял на другом конце зала возле чёрного полотна с тонкой золотой полосой посередине.

Наши взгляды встретились.

Ноги не подкосились.

В глазах не потемнело.

Я только медленно поставила бокал на поднос проходившего официанта.

Артём смотрел на меня несколько секунд. Потом едва заметно улыбнулся.

Или мне показалось.

Он отвернулся первым и пожал руку какому-то мужчине.

Я тоже отвернулась.

Мы не были знакомы.

В центре атриума началось какое-то глупое шоу. Люди в серебряных костюмах медленно двигались под музыку, изображая то ли песчаную бурю, то ли проблемы с координацией.

Я отошла к длинному стеклянному ограждению и облокотилась на перила.

Через несколько минут рядом со мной кто-то тоже облокотился на перила.

Ага. Случайно.

По обе стороны от нас оставалась едва ли не сотня метров свободного места.

Я продолжала смотреть на шоу.

Артём тоже смотрел вперёд.

— У тебя неприятности, — сказал он.

Даша... Даша... Даша...

Я услышала его голос той ночью. Пальцы сжали холодные перила.

Потом я взяла себя в руки.

— Неудобная родословная моей собаки?

Уголок его рта дрогнул.

— Почти.

Я позволила пальцам задрожать.

Опустила глаза. Медленно вдохнула, будто только сейчас поняла, чем мне грозит его «почти».

Пусть видит испуг.

Пусть думает, что они успели.

На самом деле они опоздали.

Утром Нура прислала мне подписанный обеими сторонами контракт. Копия лежала в сейфе гостиничного номера. Завтра вечером меня должны были официально представить на приёме семейного фонда.

После этого тихо отменить договор уже не получится.

До этого — получится.

Мне нужно было выиграть сутки.

И понять, чего хочет Артём.

Зачем тебе это?

Я уже открыла рот.

Не «зачем это Природоведению». Зачем это тебе?

Я посмотрела на чёрный глаз камеры под потолком. Потом на безупречный ворот его рубашки. Микрофон мог быть в зале. Мог быть на нём.

Даже если бы Артём захотел ответить честно, здесь я услышала бы только ответ для его организации.

Поэтому я молчала.

Он тоже.

Через несколько секунд Артём едва заметно кивнул и отошёл от перил.

Будто понял.

Только я не знала — меня или своё задание.

Глава 11

Через десять минут после того, как Артём отошёл от перил, я увидела его в служебном коридоре.

Случайно. Якобы.

За стеной гремела музыка. Между нами прокатили тележку с пустыми подносами и прошли два официанта.

Он был без пиджака. Ворот расстёгнут, рукава закатаны.

Наши взгляды встретились.

Этого хватило.

Рядом оказалась дверь с матовым стеклом и английской надписью «Склад».

Я поймала Артёма за галстук и дёрнула на себя.

Он шагнул за мной.

Дверь закрылась.

Я всё ещё держала его за галстук.

Несколько секунд мы не двигались.

Артём поднял руку и провёл указательным пальцем по моей щеке. Медленно. С нажимом.

Потом с тем же нажимом провёл по моим полуоткрытым губам, размазывая помаду по лицу.

Он провёл ещё раз — медленнее. Его взгляд потемнел. Он хотел меня — это было видно по напряжённой челюсти и сбившемуся дыханию.

Я попыталась поймать его палец губами.

Он ускользнул.

Потом ниже.

По шее. По груди. До самого живота.

Он смотрел только на моё лицо, будто хотел увидеть каждую реакцию.

Первым изменилось дыхание. Потом пальцы сильнее сжали галстук. Когда он дошёл до живота, я сама подалась навстречу его руке.

И дёрнула галстук на себя.

Его ладонь легла мне на затылок.

Мы столкнулись губами.

Без приветствия. Без вопросов. Без единого слова.

Он оторвался от моих губ, но не отступил.

Его рука скользнула под платье. Сначала по внутренней стороне бедра. Потом зацепила край трусиков спереди и скользнула под него. Мои ноги сами раздвинулись чуть шире, открываясь его пальцам.

Артём смотрел мне прямо в глаза.

Подушечка пальца медленно прошла по влажной складке и нажала там, где у меня сразу дрогнули колени. Я судорожно вдохнула, но взгляда не отвела.

Он смотрел, как его прикосновения проступают на моём лице: раскрываются губы, сбивается дыхание, исчезает способность притворяться.

А я ничего не скрывала. Набухала под его пальцами, становилась всё влажнее и хотела только одного — чтобы он не

останавливался.

Не закрыла глаза. Не прикусила губу. Подалась бёдрами навстречу его руке и позволила почувствовать всё.

Его палец скользнул глубже.

Ноги подкосились. По моему лицу и вырвавшемуся вдоху он понял: попал именно туда.

Но мне было мало. Я хотела глубже. И не пальцами.

Видимо, он прочитал это в моём взгляде. Почувствовал в движении бёдер, в том, как я выгнулась ему навстречу.

Он прижал меня к себе так резко, будто всё это время сдерживался из последних сил. Я рванула верхние пуговицы его рубашки, забралась ладонями под ткань и почувствовала горячую кожу.

Его рука скользнула по моей спине. Сжала талию. Потянула ближе.

Ближе уже было некуда.

Он подхватил меня и усадил на какой-то высокий стол между стеллажами. Коробки рядом дрогнули. Стекло тихо звякнуло.

За матовой дверью проплыл человеческий силуэт.

Мне было всё равно.

Я впилась пальцами в его плечи и поцеловала ещё сильнее.

Мой вдох прозвучал слишком громко.

Ладонь Артёма накрыла мне рот.

Я поймала его за запястье и прижала ладонь крепче.

Не убирай.

Он не убрал.

Его губы прошли по моей шее. Медленно только первые несколько сантиметров. Потом терпение закончилось и у него.

Его ладонь скользнула под вырез платья. Он оттянул чашечку лифчика и накрыл мою грудь. Большой палец провёл по затвердевшему соску.

Я чувствовала каждое движение особенно остро, потому что не могла ответить ни стоном, ни именем. Только выгибалась навстречу, цеплялась за его плечи и дышала в горячую ладонь.

Платье поднялось выше бёдер. Я раздвинула ноги ещё шире и подалась вперёд.

Его пальцы снова нашли меня под тонкой тканью.

Я зажмурилась.

Нет.

Я хотела видеть.

Открыла глаза и встретила его взгляд.

Спокойствия в нём больше не было.

Вот так.

Именно так Артём смотрел на меня — не оценивая, не любуясь, не выбирая. Будто уже знал каждый изгиб и всё равно не мог насытиться.

Я потянулась к его ремню.

Он перехватил мою руку и на мгновение замер, глядя мне

в глаза.

Я сама расстегнула пряжку.

Артём прикрыл глаза.

Он убрал ладонь с моих губ, чтобы освободить обе руки.

Я сразу прикусила собственные пальцы.

Он стянул с меня трусики. Я высвободила ноги и отшвырнула бельё под стол.

Артём достал из кармана презерватив.

Я взяла его и демонстративно выбросила.

Он понял. И перестал сдерживаться.

Он подхватил меня под бёдра. Я обняла его ногами и прижалась затылком к стене.

Как только стена приняла мой вес, его ладонь снова накрыла мои губы.

Артём снова посмотрел мне в глаза.

Я потянула его к себе.

Первое движение было медленным.

Я встретила его бёдрами и приняла полностью, не отводя глаз. Хотела видеть в его взгляде, как мои губы раскрываются вокруг него. Слышать в его сбившемся дыхании, что он чувствует каждое моё движение.

Сначала он двигался коротко и сдержанно, стараясь не задеть стеллаж. Но я поймала его ритм, и сдерживаться стало невозможно.

Я ощущала, как он отвечает мне — всё сильнее, всё глубже.

Сильнее.

Глубже.

Ещё. Ещё. Ещё!

Мир сузился до его тела внутри меня, ладони на моих губах и тёмных силуэтов за матовой дверью.

Мне хотелось услышать, как он снова теряет контроль и шепчет моё имя.

Но Артём молчал.

Только смотрел.

И в этом взгляде было всё, что он не мог произнести.

Я прикусила его ладонь.

Он дёрнулся и прижал меня сильнее.

На полке рядом тихо звякнуло стекло.

Чей-то силуэт остановился за дверью.

Мы замерли. Он был во мне так глубоко, как только мог. Я хотела остаться так навсегда.

Ручка опустилась.

Я перестала дышать.

Артём удерживал меня на весу, не выходя из меня, и его ладонь всё ещё закрывала мой рот. Мы смотрели друг на друга с расстояния нескольких сантиметров.

Ручка вернулась на место.

Из коридора донёсся чей-то оклик. Силуэт повернулся и ушёл.

Только тогда Артём снова двинулся.

Теперь медленнее.

От этого я едва не закричала.

Я сильнее сжала его запястье, прижимая ладонь к губам. Не могла попросить быстрее. Не могла произнести его имя. Могла только двигаться навстречу и чувствовать, как внутри собирается тугая, невыносимая волна.

Он видел.

Ускорился ровно тогда, когда я уже перестала понимать, где дверь, где люди и зачем вообще нужно молчать.

Удовольствие ударило резко.

Я выгнулась, закричала в его ладонь и слышала только собственный сдавленный вдох.

Артём прижал меня к себе. Его лицо оказалось у моей шеи. Тело напряглось, потом дрогнуло — без голоса, без имени. Только руки стиснули меня сильнее.

Картонные коробки вокруг нас посыпались со стеллажей.

Артём качнулся, и мы рухнули на них вместе, всё ещё не в силах разъединиться.

Вокруг продолжалась чужая жизнь.

За дверью проносили подносы. Кто-то смеялся. Музыка сменилась аплодисментами.

А я всё ещё прижимала его ладонь к своим губам.

* * *

Артём первым поднялся и помог мне встать.

Ноги сразу подвели. Он поймал меня за талию и подождал, пока я снова смогу стоять.

Он медленно убрал ладонь с моих губ.

На коже остался его запах.

Я коснулась губами центра его ладони.

Не благодарность.

Не обещание.

Просто потому, что захотелось.

Трусики нашлись под столом. Я натянула их, держась за его плечо.

Он поправил на мне платье. Провёл пальцами по молнии, проверяя, застёгнута ли она. Я застегнула пуговицы его рубашки и выровняла галстук.

Наши пальцы дрожали.

Мы не сказали друг другу ни слова.

Артём подошёл к двери и дождался, когда за стеклом никого не останется. Приоткрыл её, выглянул в коридор и посмотрел на меня.

Я кивнула.

Он вышел первым.

Через тридцать секунд вышла я.

* * *

В женском туалете я остановилась у зеркала.

На меня смотрела растрёпанная женщина с размазанной помадой и полубезумными, затуманившимися глазами.

Я пригладила волосы. Стёрла красный след у подбородка и аккуратно провела помадой по губам.

Стало приличнее.

По внутренней стороне бедра медленно скользнула тёплая

капля.

Я закрыла глаза.

Меня опять накрыло — его ладонь на моих губах, его тело глубоко во мне, сминающийся под нами картон.

Я всё ещё переживала то, что произошло на складе.

И понимала: я хочу ещё.

Таких же коробок.

Только больше.